

Л.Г. Ефанова

Томский государственный педагогический университет

Семантика нормы в значениях фразеологических единиц

Аннотация: Статья посвящена описанию стереотипов и образцов как основных разновидностей нормы, отраженной в семантике фразеологизмов, и исследованию взаимоотношений между ними.

The article is devoted to description two main types of norms that are reflected in phraseological units meanings and to investigation of relations between them.

Ключевые слова: норма, стереотип, образец, отношения смежности, пересечения и включения.

Norm, stereotype, model; contiguity, intersection and including relations.

УДК: 811.

Контактная информация: Томск, ул. К. Ильмера, 15/1. ТГПУ, кафедра современного русского языка и стилистики. E-mail: efanova@sibmail.ru.

Семантика нормы отражает присутствующие в языковом сознании коллектива и регулярно выражаемые при помощи специализированных средств языка стереотипные представления об основных свойствах объектов определенного класса, принятые в качестве должного состояния для этих объектов и способные выступать в качестве средства их измерения и оценки. Наиболее активны в выражении семантики нормы единицы фразеологической системы языка, отражающие «узловые нормы ценностной картины мира, которая основана на обиходно-бытовом образе мира, сложившемся в данном языковом коллективе, и на его жизненной философии» [Телия, 1996, с. 186].

Исследованием нормы «как объекта, в сущности, общего для всех наук» [Урванцев, 1991, с. 118], заняты не только лингвисты, но также философы, логики и социологи, что позволяет привлечь к анализу семантической категории нормы аппарат нескольких научных дисциплин. Например, в модальной логике норма рассматривается как частный случай оценок, представляющих собой взаимодействие между *субъектом* и *предметом оценки*, опосредованное ее *основанием* [Ивин, 1997, с. 163–164]. Норма отличается от других разновидностей оценок, во-первых, тем, что в качестве ее основания выступают представления социума о должном для предмета оценки состоянии, и, во-вторых, тем, что в структуру нормативной оценки в качестве дополнительных элементов могут быть включены *адресат нормы* и ее источник – *авторитет*, который «входит в качестве необходимой составной части в предполагаемую нормой *санкцию*» [Там же, с. 203–204].

Особенностью нормативной оценки, отраженной в семантике фразеологических единиц (ФЕ) русского языка, является то, что ее **субъектом** всегда является коллектив говорящих на данном языке людей, а **основанием** оценки служат имеющиеся у этого коллектива представления о должном. **Санкции**, налагаемые на нарушителя нормы, носят в этом случае характер морального порицания и выражаются путем включенных в семантику языковых единиц отрицательных коннотаций (например: *доходит как до жирафа, голова садовая*). Соблюдение нормы может получать **поощрение** в виде положительной оценки предмета, соответствующего норме (например: *иметь голову на плечах, котелок варит*).

Для исследования нормы, отраженной в семантике ФЕ, значимыми являются также некоторые **категориальные признаки нормы**, описанные в трудах по социологии и стандартософии [Урванцев, 1991]. В число этих признаков наряду с прочими входят и такие, которые характеризуют предмет нормативной оценки и находят регулярное выражение в языке. Так, **распространенность** явлений, становящихся предметом нормативной оценки, обуславливает появление в языке разнообразных воспроизводимых единиц, обозначающих соответствие данной норме или регулярно проявляющиеся аномалии и вступающих друг с другом в отношения синонимии (например: *бряцать оружием = брать на испуг = играть мускулами*). **Градуальность** оцениваемого признака находит выражение в скалярно-антонимических комплексах, в составе которых антонимы обозначают недостижение и превышение нормы, а самой норме соответствует серединный участок мерной шкалы, например: *с гилькин нос – кусочек с коровий носочек*. **Формальная определенность** нормы проявляется при обозначении соответствия той или иной норме при помощи специальных языковых единиц (например: *среднего роста*). **Оптимальность** нормы подчеркивают коннотации, выражающие одобрение соответствия норме со стороны говорящего. Существование антонимических пар, в которых один из элементов обозначает отклонение от нормы, а другой – саму норму, отражает ее **двойственный** характер, проявляющийся в том, что оценка реального объекта производится относительно идеальных представлений о том, каким должен быть этот объект (например: *без царя в голове – ума палата*).

В зависимости оттого, какие из перечисленных признаков актуализируются при помощи названных средств языка более регулярно, ФЕ, выражающие отношение к норме, распределяются на две основные группы. К **первой группе** относятся фразеологизмы, в семантике которых основными являются распространенность и градуальность предмета оценки. Основанием оценки в этом случае служит имеющееся «в языковой картине мира социума некое усредненное представление о данном объекте с соответствующими количественными и / или качественными признаками» [Вольф, 2002, с. 61], а несоответствие норме может означать как ее недостижение, так и превышение. Выражающие эту оценку фразеологизмы способны образовывать антонимические пары, члены которых находятся друг с другом в отношениях контрарной противоположности, когда «между двумя полюсами признака, именами которых являются соответствующие антонимы, возможен средний (нулевой) член», принимаемый за норму [Апресян, 1995, с. 285], например: *ни души – яблоку негде упасть*. Нормам, обозначенным при помощи этих фразеологизмов, как правило, не свойственны формальная определенность и двойственность, что выражается в отсутствии языковых единиц, обозначающих соответствие этим нормам и способных вступать в отношения антонимии с наименованиями аномалий. Оптимальность также не является обязательным признаком норм этого типа, поэтому выражать отношение к ним могут как оценочные фразеологизмы, так и устойчивые сочетания слов, не обладающие оценочной семантикой.

Во **второй группе** представлены фразеологизмы, обязательным признаком которых является оценочность, обусловленная оптимальностью обозначенной ими нормы. Большая часть членов этой группы распределяется на комплементарные антонимические пары, парадигмы которых представлены всего двумя членами, один из которых обозначает соответствие норме, а другой – отклонение от нее, например: *дело табак – дело в шляпе*. Основанием оценки в этом случае является представление о максимально возможной степени проявления какого-либо положительного свойства. Комплементарный характер антонимических оппозиций предполагает формальную определенность (словесную выраженность) обозначенных ими нормы и аномалии, а также двойственность нормы.

В исследованиях по семантике и в модальной логике нормы, обладающие названными свойствами, относят к числу **стереотипов**, или стандартов. «Для всего, с чем регулярно сталкивается человек, будь то часы, пожары, церемонии и т.д., существуют свои стандарты, говорящие о том, какими должны быть объекты данного рода» [Ивин, 1997, с. 183]. Отраженное в них «поле нормативности граничит с концептами обыденности, ординарности, предсказуемости» [Арутюнова, 1987, с. 7]. Нормам-стереотипам противопоставлены нормы-**образцы**, используемые только при оценке человека. Образец представляет собой «такое поведение, которому надлежит следовать» [Ивин, 1997, с. 179]. В то время как отклонения от стереотипа проявляются в форме нестандартных ситуаций, несоответствие образцу реализуется в виде антиобразца. «Задача антиобразца – дать отталкивающий пример и тем самым отвлечь от такого поведения» [Там же, с. 181]. Особенностью отраженных в семантике ФЕ образцов и антиобразцов является то, что они могут содержать оценку не только поведения человека, но и других его свойств (например: *глаз не оторвать – лошади пугаются, с хорошей закваской – в чем душа держится, кристальной честности – продувная бестия* и т. д.).

Значения стереотипа и образца отражаются в семантике ФЕ разными способами. С учетом общекатегориальных признаков нормы становится возможным сформулировать основные свойства фразеологизмов, обозначающих частные разновидности стереотипов и образцов.

Так, фразеологизмы, обладающие семантикой **стереотипа** (далее – ФС), характеризуются следующими свойствами: 1. Отношение к стереотипу выражается не одним фразеологизмом, а группой языковых единиц, образующих семантический класс. Реализация этого свойства связана с распространенностью стереотипа. 2. Семантические группы, обозначающие частные разновидности стереотипов, состоят преимущественно или исключительно из единиц, обозначающих не соответствующие норме положения дел. Это свойство отражает формальную неопределенность стереотипа. 3. ФС в составе семантической группы находятся в отношениях полной или частичной синонимии с одними членами данной группы и в отношениях контрарной антонимии с другими ее членами. Контрарный характер антонимии является в данном случае следствием градуальности отраженного стереотипом явления, в то время как наличие синонимов свидетельствует о распространенности этого явления. 4. Поскольку оптимальность не является обязательным признаком стереотипа, в состав семантической группы ФС могут входить как оценочные, так и нейтральные с этой точки зрения единицы. Появление в этой группе оценочных единиц возможно в двух случаях. Во-первых, если они эксплицируют нефиксированную оценку, которая может меняться в зависимости от эмпатии говорящего [Телия, 1996, с. 185]. Например, ФЕ *дать по шапке (кому)* способен выражать положительную оценку, если обозначает заслуженное наказание, но этот же фразеологизм выражает неодобрение, если говорящий считает обозначенное им действие несправедливым. Во-вторых, ФЕ может приобретать отрицательную оценочность в тех случаях, когда одновременно с семантикой отклонения от стандарта выражает значение несоответствия тому или иному образцу. Например, идиома *верста коломенская* выражает отрицательную оценку не столько роста человека, сколько его непропорционального сложения, противоречащего образцу привлекательности.

Для фразеологизмов, обозначающих отношение к **образцу**, характерны следующие свойства. 1) Поскольку образец представляет собой оптимальное состояние предмета нормативной оценки, соответствие образцу обозначается ФЕ с положительными оценочными коннотациями, а несоответствие – ФЕ, выражающими неодобрение. Названное свойство отражает не только оптимальность образца, но и его формальную определенность. 2) Две ФЕ, обозначающие соответствие и несоответствие одному и тому же образцу, находятся друг с другом в отноше-

ниях комплементарной антонимии, что отражает присущую данной разновидности нормы двойственность.

Использование признаков нормы при отборе и систематизации языкового материала позволило выявить более 30 разновидностей стереотипов, отраженных в семантике русских ФЕ и охарактеризовать структуру связанной с ними нормативной оценки: 1) субъект оценки – коллектив говорящих на данном языке людей; 2) предмет оценки – разнообразные стороны явлений действительности, имеющих отношение к человеку, и в том числе самого человека; 3) основание оценки – представления ее субъекта об обычном для данного предмета положении дел. Например, во ФЕ *живые мощи, кожа да кости, худой как щепка и в теле, круглый как колобок, с брюшком* и т. д. предметом оценки является степень упитанности человека, а основанием – представление о человеке *средней полноты*. Стереотипы как разновидность нормы не предполагают наличия авторитета, хотя в некоторых ФЕ и паремиях в качестве источника того или иного положения дел указываются сверхъестественные силы или действующие автономно от человека неодушевленные предметы (например: *его черт ядрами кормит* (о чрезмерно полном человеке), *не гребень чешет голову, а время, нос на двоих рос, да одному достался* и т. д.).

В число основных составляющих оценки с точки зрения образца входят: 1) субъект оценки; 2) предмет оценки, в качестве которого обычно выступают свойства или поведение адресата нормы; 3) основание оценки, т. е. представления об идеальном состоянии ее предмета; 4) авторитет нормы, роль которого выполняет субъект отраженной в семантике языковых единиц оценки как носитель свойственных языковому коллективу представлений о ценностях; 5) санкция или поощрение в виде одобрения или неодобрения со стороны этого субъекта названного ФЕ положения дел. Например, фразеологизмы *золотые руки, мастер своего дела, работа горит в руках* и др. обозначают соответствие предмета оценки – уровня мастерства человека – ее основанию-образцу и произносятся с одобрением, а обороты *все из рук валится, мастер-ломастер, обе руки левые, руки не оттуда растут* называют положение дел, соответствующее антиобразцу, и выражают неодобрение.

Стереотипы и образцы способны вступать друг с другом в отношения смежности, пересечения или включения.

Одним из наиболее простых примеров **отношений смежности** может служить взаимодействие стереотипа трудовой активности и образца трудолюбия. Предметом оценки с точки зрения названного стереотипа является степень интенсивности труда, которая может быть ниже установленного стереотипом уровня (например: *бить баклуши, работать с прохладцей, сидеть сложа руки* и т. д.), но может и значительно превышать его (например: *работать не покладая рук, вкалывать как проклятый, трудиться в поте лица*). Недостижение стереотипа, как правило, воспринимается с неодобрением, однако при этом объектом неодобрительного отношения может быть не только адресат нормы (например: *пальцем не пошевелит*), но и не зависящие от него обстоятельства; например, ФЕ *сушить лапти* обычно обозначает ситуацию нежелательного для субъекта действия вынужденного простоя. Превышение стереотипной степени трудовой активности может восприниматься как с одобрением, так и с неодобрением, на что указывает использование для его обозначения некоторых ФЕ с нефиксированной [Телия, 1996, с. 185] оценкой, например: *работать до седьмого пота*. Они произносятся «с неодобрением, если речь идет о принуждении, с одобрением – если речь идет об усердном, добросовестном отношении к работе» [Большой фразеологический словарь, 2009, с. 186]. Таким образом, стереотип трудовой активности отражает среднюю степень интенсивности труда человека, определяемую относительно ситуаций ее превышения и недостижения, и не зависит от одобрения или неодобрения их субъектом оценки. Основанием оценки в данном случае служат пред-

ставления о человеке, работающем в соответствии с объективной необходимостью и в меру своих сил.

В отличие от рассмотренного стереотипа, образец трудолюбия представлен группой ФЕ, члены которой четко противопоставлены друг другу по семантике и выражаемой ими оценке. Предметом оценки в таких ФЕ является отношение человека к труду. Оно может соответствовать образцу и получает в этом случае положительную оценку (например: *работа горит в руках, сердит на работу, трудится как пчелка, засучив рукава* и т. д.), но может также иметь характер антиобразца и вызывает у субъекта оценки неодобрение (например: *ленивый как боров, лодырь каких свет не видал, жеребец стоялый* и т. д.). Основанием оценки являются в этом случае представления о человеке, умеющем работать быстро, эффективно и получая удовлетворение от работы.

Семантические поля фразеологизмов, выражающих отношение к стереотипу трудовой активности и к образцу трудолюбия, находятся в отношениях смежности, поскольку входящие в их состав единицы обозначают близкие, но не совпадающие друг с другом понятия, характеризующие предмет нормативной оценки.

В отношениях **пересечения** находятся стереотип бережливости и образец щедрости, имеющие общий предмет оценки (отношение человека к деньгам и материальным ценностям), но различающиеся ее основанием. Для стереотипа бережливости основанием оценки служат представления о целесообразном накоплении и рациональном использовании ценностей. Это основание определяется относительно двух отклонений от нормы: расточительности (например: *деньги не держатся, бросать коту под хвост, выпускать в трубу, сорить деньгами*) и скупости (например: *каждая копейка на счету (звонком приколочена), трястись над каждой копейкой, за копейку удавится*). Как и в случаях с другими стереотипами, объектом неодобрительного отношения при оценке этих отклонений может стать как субъект вызвавший их действий (например: *не знать цены деньгам*), так и ситуация, способная возникнуть не по вине этого субъекта (например: *вылететь в трубу*). Характер оценочного отношения к стереотипу также может быть разным. В частности, наряду с ФЕ, в которых скупость оценивается отрицательно, в русском языке существуют пословицы, выражающие одобрительное отношение к этому свойству, например: *без копейки рубля не живет, скупость не глупость* и др.

Образец щедрости отличается от стереотипа бережливости тем, что среди обозначающих отношение к нему ФЕ значением соответствия образцу и, следовательно, положительной оценочной семантикой обладают те, которые называют расходование средств, например: *щедрая рука, не считает копейки, последнюю рубашку отдаст, широкая душа*. Напротив, чье-либо нежелание тратить деньги субъект оценки воспринимает с неодобрением, например: *трястись над каждой копейкой, жаба душист, зимой снега не выпросишь, за копейку удавится*. Таким образом, содержанием образца щедрости являются представления о человеке, охотно делящемся с другими своим имуществом. Различие между стереотипом бережливости и образцом щедрости определяется основанием связанной с ними нормативной оценки: первый отражает наиболее типичное положение дел, обусловленное интересами отдельной личности, второй основывается на представлениях о наиболее желательной и выражающей интересы всего языкового коллектива ситуации.

Отношение пересечения между семантическими полями ФЕ, выражающих отношение к стереотипу бережливости и образцу щедрости, проявляется в том, что некоторые ФЕ являются элементами обоих полей одновременно, что является следствием тождества связанного с ними предмета оценки. Вместе с тем один и тот же фразеологизм в составе семантических полей стереотипа и образца, обладающих разными основаниями оценки, способен под влиянием этих оснований изменять свойственную ему оценочную коннотацию на противоположную.

Отношения включения демонстрируют стереотип среднего достатка и образец благосостояния. Предметом нормативной оценки с точки зрения этих стереотипа и образца является материальное и имущественное положение субъекта нормы. Стереотип материального достатка определяется отношением к двум максимальным проявлениям бедности и состоятельности: крайней нищеты (например: *перебиваться с хлеба на квас, пойти по миру, класть зубы на полку, ни кола ни двора, ни гроша за душой, гол как сокол, голь перекатная, сирый и убогий, остаться без штанов, беден как церковная мышь, ветер в карманах* и т. д.) и богатства (например: *и жить на широкую ногу, набить карман, как сыр в масле кататься, быть у кормушки, тугая мошина, финансовый туз, богат как Крез, денег куры не клюют, денег как грязи, денежный мешок, купаться в деньгах, птичьего молока не хватает* и пр.). Основанием оценки с точки зрения стереотипа материального достатка являются представления о человеке со средним достатком, которого с избытком хватает на удовлетворение всех основных потребностей.

В отличие от названного стереотипа, образец благосостояния в качестве основания оценки имеет представление об избыточном количестве материальных благ, обладатель которых получает у носителей языка положительную оценку: *жить на широкую ногу (полным домом), как сыр в масле кататься, богат как Крез, денег куры не клюют, купаться в деньгах, птичьего молока не хватает, лучше жить в зависти, чем в жалости*. К человеку нищему, напротив, преобладает отрицательное отношение как к воплощению антиобразца: *голь перекатная, беден как церковная крыса, в одном кармане вошь на аркане, а в другом блоха на цепи, ни ложки ни плошки, ни гроша за душой, гол как сокол*.

Представления о недостижении или превышении стереотипной степени среднего достатка отличаются от содержания образца благосостояния и соотносимого с ним антиобразца тем, что в представления об образце не входят сведения о нечестном способе обогащения (например, *быть у кормушки*) или о моральной ущербности субъекта нормы (например, *денежный мешок*). С другой стороны, с понятием антиобразца связаны представления не просто о бедном человеке, но о нищем, опустившемся ниже того уровня благосостояния, который говорящий считает общедоступным, и выражаемая при помощи ФЕ со значением антиобразца отрицательная оценка обусловлена не столько бедственным положением такого человека, сколько его ущербностью в глазах говорящего.

Семантическое поле ФЕ, выражающих отношение к образцу благосостояния, может рассматриваться как фрагмент семантического поля фразеологизмов, обозначающих стереотип среднего достатка, т. е. находится с ним в отношении включения. Выделение поля ФЕ со значением образца благосостояния в качестве фрагмента другого семантического поля является следствием различия в оценочном компоненте семантики фразеологизмов со значением образца и ФЕ, выражающих отношение к стереотипу, в свою очередь, обусловленного разницей в основании оценки этих видов норм.

Исследование связей между стереотипами и образцами как основными разновидностями норм позволило выявить три типа отношений между этими разновидностями нормативной оценки: смежности, пересечения и включения. Вместе с тем проведенный анализ подтверждает социальную ориентированность образцов, отраженных в семантике ФЕ, а их более сложная по сравнению со стереотипами структурная организация дает основание предположить, что образцы как разновидности нормы вторичны по своему происхождению и возникли на базе стихийно сформировавшихся стереотипов.

Литература

- Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. М., 1995. Т. 1: Лексическая семантика.
- Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3–19.
- Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2009.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.
- Ивин А.А. Основы теории аргументации. М., 1997.
- Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Урванцев Б. А. Порядок и нормы. М., 1991.